

Игорь Стрелец

Чужая кожа

Санкт-Петербург, 2026

Игорь Стрелец

Чужая кожа

«Автор»
2026

Стрелец И.

Чужая кожа / И. Стрелец — «Автор», 2026

Старое пальто. Билет на поезд из прошлого. Человек с твоим лицом, который утверждает, что прожил твою жизнь.Виктор Ланской реставрирует историческую одежду и привык считать, что у каждой вещи есть своя история. Но серое пальто, поступившее в музей без имени и документов, оказывается опаснее любой музейной находки. Стоит его надеть — и Виктор переносится из одного времени в другое, встречает людей, которых не мог знать, и постепенно обнаруживает в чужих воспоминаниях собственное прошлое.Когда-то он потерял дочь. Теперь ему предстоит выяснить, что произошло в тот день, почему его биография разделилась надвое и кем стал человек, который носит его лицо.Серое пальто помнит своих владельцев. Но память — ещё не личность, а возвращение не всегда означает спасение.«Чужая кожа» — мистический триллер о семейной тайне, исчезновении, чужих воспоминаниях и границе между собственной жизнью и жизнью другого человека.

© Стрелец И., 2026
© Автор, 2026

Игорь Стрелец
Чужая кожа

Глава первая. Пальто без владельца

В кармане пальто, поступившего в музей без имени и истории, Виктор Ланской нашел билет на поезд, отправившийся семьдесят лет назад.

Сначала он заподозрил шутку. В музее истории костюма такое случалось: посетители оставляли конфеты в карманах манекенов, студенты прятали записки, а однажды уборщица обнаружила в старинном дорожном сундуке банковскую карту с истекшим сроком действия. Старые вещи почему-то располагали людей к фамильярности. Однако билет был настоящим. Бумага, краска, штемпель – все соответствовало времени. Виктор поднес его к настольной лампе.

Paris – Gare du Nord. 17 octobre 1956. Départ: 21:40.

Билет уже использовали: на обороте остался овальный след компостера. В углу карандашом была выведена буква «В».

– Весьма предусмотрительно, – сказал Виктор.

В мастерской никого не было. Виктор привык разговаривать с вещами. С людьми выходило хуже: в последние годы беседы чаще всего сводились к лекарствам, коммунальным платежам и к тому, что молодые сотрудники не умели вдеть нитку в иголку.

Виктору исполнилось шестьдесят два. Почти тридцать лет он реставрировал исторический костюм и научился читать ткань не хуже, чем другие читают документы. Потертости выдавали повседневную носку, швы – прежние ремонты, подкладка – достаток владельца. У хорошего пальто биография порой оказывалась подробнее человеческой. Эту мысль Виктор не любил. Она годилась для музейных буклетов и вступительных речей. Ткань оставалась тканью, а люди умирали, не оставив после себя внятных объяснений.

Пальто поступило в музей три недели назад вместе с партией вещей из частной коллекции. В инвентарной карточке значилось: «Мужское пальто, шерсть, предположительно 1940-е годы. Происхождение не установлено». Коллекция принадлежала Алексею Михайловичу Рудневу, умершему в 1988 году. Наследники передали собрание музею без описи и без особых комментариев. Имя прежнего владельца пальто установить не удалось. Пальто было серым, почти бесцветным, с широкими лацканами и глубокими карманами. Плотная шерсть сохранила мягкость; подкладка выцвела, на правом рукаве темнела потертость. Внутренний шов когда-то прошили грубой черной нитью. Размер казался непривычно большим. На вешалке пальто выглядело так, будто хозяин снял его на минуту и вот-вот вернется.

Виктор положил билет на стол, снял пальто с манекена и расправил подкладку. Возле бокового шва обнаружилась еще одна строчка – аккуратная, почти незаметная. Ее сделали вручную уже после того, как пальто было сшито. Виктор поддел нитку пинцетом. За подкладкой обнаружился второй карман, узкий, рассчитанный на небольшую вещь. Внутри лежал тот самый билет.

Он проверил инвентарную карточку еще раз, записал номер находки в рабочий журнал и сделал то, чего реставратору делать не полагалось: надел пальто. Объяснение нашлось сразу. Нужно было проверить расположение карманов, посмотреть, как ткань ведет себя на человеческой фигуре и не тянет ли подкладку при движении. На манекене этого не определить. Во всяком случае, именно так Виктор объяснил бы свой поступок заведующей отделом.

Пальто оказалось ему впору. Это удивило Виктора сильнее, чем следовало: по длине рукавов и ширине плеч оно предназначалось для человека крупнее, однако плечевые швы легли точно, рукава остановились у запястий. Он застегнул верхнюю пуговицу. От шерсти пахло табаком, сыростью и старым камнем – так пахнут подъезды, где давно не меняли трубы.

Он подошел к зеркалу. В отражении стоял пожилой человек в сером пальто. Лицо Виктор знал хорошо, хотя в последнее время предпочитал не задерживаться перед зеркалом: мешки под глазами, седина на висках, складки у рта. Он поправил воротник и заметил на внутренней стороне маленькую пришитую бирку. Две вышитые буквы: «В. Л.». Вариантов было достаточно: Владимир Львович, Василий Леонидович, Виктор Лукич. Ни один не заслуживал особого внимания.

Он уже собирался снять пальто, когда в мастерской погас свет. Не мигнул, не ослабел – исчез сразу, вместе с гудением ламп и вентиляции. Виктор выругался, нащупал край стола и задел локтем коробку с иглами. Она упала. За стеной продолжал работать лифт, в коридоре хлопнула дверь. Через несколько секунд включился аварийный свет, окрасив мастерскую в болезненный зеленоватый цвет. Все осталось на своих местах: инструменты, билет, раскрытая инвентарная карточка. Не было только музейного двора за окном. За окном вместо музейного двора тянулась узкая мокрая улица. На противоположной стороне женщина в светлом пальто прикрывала голову газетой, у входа в кафе спорили двое мужчин. У тротуара стоял автомобиль с округлым кузовом, знакомый Виктору по послевоенным фотографиям Парижа. Вывески над магазинами были французскими. Он подошел к окну. На стекле не оказалось ни пыли, ни привычных разводов. Виктор коснулся его ладонью. Стекло было холодным. Женщина сложила газету и пошла вдоль улицы. Мужчина у кафе посмотрел на часы. Виктор отступил.

– Что за черт…

Под потолком ожил динамик. Женский голос, слегка искаженный металлическим дребезжанием, объявил:

– Пассажиры поезда на Лилль, отправление с третьего пути через пять минут. Просим пройти к платформе.

Виктор обернулся к двери. На ней висела табличка, которой прежде не было: SORTIE – QUAI 3. Он знал французский не настолько хорошо, чтобы понимать объявления на слух, но надпись прочел без труда. Выход. Платформа. Виктор посмотрел на билет. Время отправления – 21:40. Настенные часы показывали 21:35.

Телефон не включался. Он нажал кнопку еще раз, потом снял пальто и положил его на стол. Улица за окном исчезла. На ее месте снова был музейный двор с фонарями и мокрым асфальтом. За стеной кто-то передвигал стул. Он мог вызвать охрану, проверить электрику или, на худой конец, признать, что забыл принять таблетки от давления. Последняя мысль показалась особенно неприятной.

Он аккуратно повесил пальто на спинку стула и достал телефон. Экран ожил. Было 21:36. Виктор сел и несколько минут рассматривал билет. Дата, место и время отправления не изменились. Он поднял трубку внутреннего телефона, набрал пост охраны.

– Сергей? Это Ланской. У вас все нормально?

– В смысле?

– Свет не пропадал?

– Нет. А что?

– Ничего. Ты сегодня в мастерскую заходил?

– Нет. А должен был?

– Не должен. Забудь.

Сергей работал в музее двенадцать лет и обладал редким слухом на происшествия. Если бы в здании действительно отключилось электричество, Виктор узнал бы об этом раньше, чем успел бы положить трубку. Он подошел к окну. Во дворе стояла служебная машина, возле контейнеров лежал мокрый картон. На втором этаже горело окно бухгалтерии. Обычная музейная ночь.

– Ну и что мне с тобой делать? – спросил Виктор, повернувшись к пальто.

Ответа, разумеется, не последовало. Он сфотографировал билет, затем пальто. На последнем снимке заметил странность: карман, в котором лежал билет, оказался вывернут наружу. Виктор был уверен, что оставил его внутри. Он проверил подкладку. В скрытом кармане обнаружился металлический жетон с выбитым номером 317. Жетон был небольшим, потемневшим, с почти стертой надписью на обороте: Consigne – Gare du Nord. Камера хранения. Северный вокзал.

Виктор достал лупу. Металл был покрыт характерными следами окисления; такие жетоны и вправду использовали на парижских вокзалах в середине прошлого века. Он помнил их по каталогу к одной из выставок. Память услужливо подсовывала подробности, но не объясняла, как жетон попал в пальто без документов.

На часах было 21:38. Виктор рассмеялся. Негромко. Ситуация становилась нелепой, а нелепость раздражала его сильнее опасности. Он решил проверить одну вещь. Надел пальто. За окном снова возникла улица. Виктор постоял, присматриваясь к ней, затем подошел к двери. Табличка была на месте: SORTIE – QUAI 3.

Он взялся за ручку и открыл дверь. За ней тянулся длинный коридор с белой плиткой на стенах. Тусклые лампы, черные стрелки, указывающие к платформам. В конце – лестница. Откуда-то доносились голоса, стук колес и запах угольного дыма. Виктор закрыл дверь. Сердце билось чаще обычного. Он снял очки, протер их краем рубашки, снова надел и открыл дверь. Коридор никуда не делся.

На стене висели часы. Стрелки показывали 21:39. Можно было позвать Сергея, вызвать полицию, снять пальто и дождаться, пока все закончится. Виктор не собирался покидать музей до утра. Но за дверью находилось место, которого здесь быть не могло, а билет указывал время с точностью, которую уже не спишешь на шутку. Он сделал шаг в коридор. Дверь за спиной тихо закрылась. В дальнем конце появилась женщина лет пятидесяти. В руках она держала небольшой чемодан, на голове была темная шляпка. Увидев Виктора, женщина остановилась.

– Вы опоздали, – сказала она по-французски.

Он понял каждое слово.

– Простите?

Женщина посмотрела на пальто.

– Я думала, вы уже не придете.

– Вы меня знаете?

Она не ответила. Подошла ближе и протянула сложенный листок. Виктор развернул его. Неровным почерком по-русски было написано:

Если вы прочитали это, значит, пальто снова надели. Не снимайте его до прибытия. И ни при каких обстоятельствах не называйте свое настоящее имя.

Виктор поднял голову.

– Кто это написал?

Женщина уже отходила.

– Подождите!

Она остановилась у лестницы и обернулась.

– Вы ведь Виктор?

Он промолчал. Женщина кивнула, словно этого было достаточно.

– Тогда постарайтесь не встречаться с ним.

– С кем?

Но она уже спускалась по лестнице.

Виктор остался один. Динамик над головой снова зашипел:

– Поезд на Лилль отправляется с третьего пути. Пассажиров просим занять свои места.

В конце коридора открылась дверь, оттуда потянуло холодом. Послышался гудок. Виктор обернулся, чтобы вернуться в мастерскую, но двери за спиной больше не было. Только белая плитка, стрелка на стене и объявление о прибытии состава из Амьена.

Он сунул билет в карман пальто и пошел к платформе.

На вокзале было людно. Мужчины в шляпах, женщины с сумками, дети, державшиеся за руки взрослых. Кто-то курил, кто-то торопливо прощался; у газетного киоска читали вечерние заголовки. Виктор узнал Северный вокзал по старым фотографиям, но снимки не передавали запахов: мокрая шерсть, табак, горячий металл, кофе. Под ногами хрустела грязь. Люди обходили его, не задерживая взгляда.

На табло значилось: LILLE – 21:40. Он достал билет. Место было в третьем вагоне. Виктор прошел вдоль состава и нашел нужную дверь. В тамбуре стоял проводник в темной форме. Проверив билет, тот с удивлением посмотрел на пассажира.

– Вы один?

– Да.

– А багаж?

– Нет багажа.

Проводник вернул билет.

– Тогда проходите. Поезд уже отправляется.

Виктор вошел в вагон. В купе у окна сидел молодой человек лет тридцати пяти. Темный костюм, галстук, светлая рубашка с расстегнутым воротом. В руках у него была газета, но он ее не читал. Увидев Виктора, молодой человек поднял голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом он сложил газету.

– Наконец-то.

Виктор не двигался.

У молодого человека было его лицо. Не похожее, не напоминающее – его собственное, каким оно сохранилось на фотографиях тридцатилетней давности: прямой нос, тяжелые веки, родинка у левого виска. Даже привычка прищуриваться, услышав неприятное, была та же. Только волосы оставались темными, а кожа не знала ни усталости, ни прожитых лет.

Молодой человек указал на свободное место напротив.

– Садись, Виктор. Нам нужно поговорить.

– Кто вы?

– Ты действительно хочешь начать с этого?

Поезд тронулся. Виктор схватился за поручень. За окном поплыли огни вокзала. Молодой человек смотрел на него без удивления – так смотрят на человека, который слишком долго собирался прийти на заранее назначенную встречу.

– Скажи мне одну вещь, – произнес он. – Ты помнишь Асю?

Виктор не знал никакой Аси. И все же, услышав это имя, почувствовал в кармане холод металлического жетона. Молодой человек заметил его движение и впервые отвел глаза.

– Значит, опять забыл.

Он достал из внутреннего кармана фотографию. На ней была девочка лет семи. Она стояла у окна, прижимая к груди плюшевого зайца. На обороте детским почерком было выведено: «Папе. Чтобы он не забывал дорогу домой». Виктор взял снимок. Девочка улыбалась: темные волосы, неровная челка, родинка над верхней губой. Лица он не помнил. Но фотографию, кажется, уже держал в руках. И знал – это знание пришло без объяснений, – что однажды опоздал.

В музее охранник Сергей проходил мимо мастерской Виктора. Дверь была приоткрыта, свет горел. Он заглянул внутрь. На столе лежали инвентарная карточка, лупа и металлический жетон. Рядом стояла чашка с остывшим чаем. Пальто исчезло.

Сергей посмотрел на часы. Было 21:41. Он уже собирался позвонить Виктору, когда заметил на спинке стула небольшой бумажный конверт. На нем значилось: «Вернуть владельцу. Не вскрывать». Сергей взял конверт. Тот был пуст. На внутренней стороне, продавленной карандашом, проступала еще одна фраза: «В этот раз не отдавайте пальто ему».

Глава вторая. Чужая биография

– Ты все-таки пришел, – повторил молодой человек.

Виктор не ответил. Он держал фотографию за края, стараясь не касаться изображения. Девочка смотрела прямо в объектив. За ее спиной виднелась обитая дерматином дверь, на стене висел календарь с отрывными листками. Снимок был старый, но сохранился хорошо: пожелтевшая бумага, мелкие трещины по краям, чуть выцветшее изображение.

– Кто это?

– Ася.

– Я понял. Кто она мне?

Молодой человек усмехнулся.

– Ты всегда предпочитал задавать вопросы, на которые уже знаешь ответ.

– Я не знаю, кто вы, где нахожусь и почему у вас мое лицо. Если это розыгрыш, он уже затянулся.

– Ты говоришь точно так же, как отец.

– Какой отец?

Молодой человек посмотрел в окно. За стеклом проплывали темные строения, редкие огни станций, телеграфные столбы. Поезд набирал скорость.

– Наш.

Виктор положил фотографию на стол.

– Вы хотите сказать, что мы братья?

– Нет. Ты старше меня на двадцать семь лет. Не по календарю. По тому, что успел прожить.

– Как вас зовут?

– Виктор.

– Удивительно.

– Ланской. Виктор Андреевич Ланской.

Виктор сжал пальцы. Имя, отчество, фамилия. Даже манера произносить полное имя показалась знакомой. Так его представляли на заседаниях ученого совета, так звала мать, когда была недовольна.

– Какой сейчас год? – спросил он.

Молодой человек посмотрел на него с усталым сочувствием.

– Ты ведь не шутишь.

– Нет.

– Совсем ничего не помнишь?

– Я помню, что сегодня двенадцатое ноября 2026 года. Мне шестьдесят два. Я реставратор, работаю в музее. Три недели назад к нам поступило пальто. Я осматривал его, нашел билет и надел. Потом оказался здесь. Больше ничего надежного у меня нет.

Молодой Виктор слушал внимательно. Когда старший закончил, он забрал фотографию со стола и убрал во внутренний карман пиджака.

– Значит, в этот раз пальто сработало раньше.

– В этот раз?

– Неважно.

– Для меня как раз важно.

Молодой человек не стал спорить. Достал из портсигара папиросу, прикурил и приоткрыл форточку. В купе потянуло холодом. Виктор заметил на его руке светлую полоску от обручального кольца. Часов не было.

– Ты приехал в Ленинград, – сказал молодой человек. – Завтра утром нам нужно быть на Васильевском острове. Там есть человек, который сможет объяснить, что произошло.

– А сегодня?

– Сегодня тебе лучше поспать.

– Я не собираюсь спать в одном купе с человеком, который утверждает, что он – это я.

– Тогда проведешь ночь один. Я выйду на следующей станции.

– Вы так и не ответили: кто такая Ася?

Молодой Виктор затянулся. Улыбка исчезла.

– Моя дочь.

– Вы женаты?

– Да.

– На ком?

– На Нине.

Имя отозвалось в памяти чем-то неопределенным. Не воспоминанием даже, а знакомым звуком, который слышал когда-то давно и не мог вспомнить где.

– Ася жива? – спросил Виктор.

Молодой человек повернулся к нему.

– Пока ты не вмешался, она была жива.

Он произнес это без угрозы. Оттого слова прозвучали хуже.

– Что это значит?

– Сам узнаешь.

– Вы опять говорите загадками.

– Нет. Просто сейчас ты не способен понять ответ.

Поезд замедлил ход. За окном показалась станция с низкой платформой, освещенной двумя фонарями. Виктор успел прочитать название: Вырица.

Молодой человек поднялся, надел пальто и снял с полки небольшой кожаный чемодан.

– Выходите?

– Да.

– Но вы сказали, что мы должны быть в Ленинграде.

– Ты должен. Я поеду другим путем.

– Каким?

– Тем, которым ты пока не умеешь пользоваться.

Он протянул руку. Виктор не сразу понял, что молодой человек хочет забрать фотографию, но снимка на столе уже не было. Тот положил ладонь ему на плечо.

– Если встретишь человека без лица, не пытайся его разглядеть. Толку не будет.

– Кто он?

– Тот, кто слишком долго носил чужую одежду.

Он вышел, не попрощавшись. Дверь купе закрылась. Виктор смотрел в окно, пока Вырица не скрылась за поворотом. Поезд шел на север, хотя на билете значился Лилль.

Виктор остался один. Он проверил карманы пальто: билет, жетон, сложенная записка. Больше ничего. На внутренней стороне правого лацкана обнаружилась надпись. Ее сделали тонкой иглой, прокалывая ткань с изнанки. Буквы были неровные, но вполне разборчивые: «Не ищи Асю в том месте, где она умерла».

Он перечитал фразу. Потом еще раз. Кто-то позаботился о том, чтобы он ее нашел, но не потрудился объяснить, что она означает. Он пытался восстановить последовательность событий, но мысли возвращались к одному и тому же: поезд, незнакомец с его лицом, девочка на

фотографии. Ася. За окном темнота посерела. Французские названия на указателях сменились русскими, потом исчезли и сами станции. Виктор не заметил, когда уснул. Проснулся от скрипа тормозов и объявления по-русски. Имя не отпускало.

Ленинград встретил его запахом угля, мокрой древесины и рыбных отходов. Поезд стоял у платформы Витебского вокзала. На часах было без четверти девять, а за окнами вагона висел октябрьский пар. Виктор сошел с поезда на Витебском вокзале. На перроне толпились люди. Мужчины в тяжелых пальто несли чемоданы, женщины придерживали платки у лица, носильщик тащил тележку с ящиками. Над платформой висел пар, смешанный с дымом паровозной трубы.

Вокзал выглядел почти знакомым, хотя Виктор бывал здесь не раз. Исчезли электронные табло, рекламные щиты, привычные указатели. На стене висел портрет Сталина, под ним стояла очередь к кассе. Люди двигались быстро, но без суеты, характерной для больших вокзалов. Каждый нес свою тяжесть и старался не задевать чужую.

Виктор посмотрел на часы. Без четверти девять. Телефон не включался. Виктор убрал его в карман. Пальто снимать не стал – записка запрещала, хотя верить ей буквально он не собирался. Пока было непонятно, что переносит его из одного времени в другое. Билет привел его в Париж 1956 года, а поезд вывез в Ленинград 1941-го. Между датами было пятнадцать лет; в памяти Виктора – ни минуты.

У кассы он спросил у женщины:

– Какой сегодня день?

Она не подняла глаз.

– Семнадцатое октября.

– Какого года?

Женщина посмотрела на него поверх очков.

– Сорок первого. А вы откуда такой?

– Издалека.

Она пожала плечами и отвернулась к следующему человеку.

Сорок первый. Семнадцатое октября.

Виктор вспомнил инвентарную карточку: пальто, предположительно сороковые годы. Возможно, именно с этим периодом была связана его история. Но почему тогда первый переход произошел в Париж 1956 года? И что общего между датами?

Он вышел на улицу. Город жил напряженно, хотя той обреченности, которую Виктор привык видеть в документальных хрониках, пока не было. На углах стояли патрули, у магазинов висели объявления о карточной системе. Из открытого окна доносилась музыка. На стене дома кто-то мелом написал: «Фронту нужны люди».

Виктор остановился на перекрестке. Он знал эти улицы, но город перед ним был другим. Вывески сменились, фасады потемнели, тротуары казались шире. По мостовой проехала телега, запряженная лошадью. Возница что-то крикнул прохожему. Тот ответил, не оборачиваясь.

В кармане пальто лежал жетон с номером 317. Виктор достал его. На обороте проступили новые буквы. Прежняя французская надпись теперь читалась с трудом. Под стертым словом Consigne появилось русское: «Камера хранения. Витебский вокзал». Он повертел жетон на ладони и вернулся внутрь. Камеры хранения находились в боковом помещении. За решеткой сидел пожилой служащий с маленькими глазами и густыми усами.

– Триста семнадцатая ячейка, – сказал Виктор, протягивая жетон.

Служащий взял его, поднес к глазам.

– Откуда у вас?

– Нашел.

– Где?

– В пальто.

Служащий поднял голову.

– В каком пальто?

Виктор промолчал.

– Сером? – спросил старик.

Виктор почувствовал, как напряглась спина.

– Вы его знаете?

Служащий некоторое время рассматривал жетон. Потом поднялся, достал из-за шкафа связку ключей и вышел из-за решетки.

– Пойдемте.

Он провел Виктора в узкий коридор. По обеим сторонам тянулись металлические ячейки с круглыми отверстиями для ключей. Номер 317 находился почти у самого пола. Служащий открыл замок и отступил.

Внутри лежал сверток, перевязанный бечевкой. Виктор развязал узел. На дне ячейки лежали маленькие кожаные ботинки с потертыми носками. Один был зашнурован, второй – нет. Внутри первого пряталась сложенная записка. Он развернул ее. «Папа, я спрятала их здесь, чтобы ты не ушел босиком. Ася». Почерк был детский, буквы наклонялись вправо. Последняя буква в имени почти слилась с краем листка.

– Кто это оставил? – спросил Виктор.

Служащий закрыл ячейку.

– Вы.

– Когда?

– Вчера.

– Я вчера был в другом месте.

– Не знаю. Вы приходили сюда вечером. Сказали, что вернетесь за вещами, когда все закончится.

– Я не приходил.

Служащий пожал плечами.

– Значит, не вы.

Виктор повернулся к нему.

– Вы видели человека, который приходил?

– Конечно.

– Как он выглядел?

Старик посмотрел на серое пальто.

– Как вы.

Виктор вышел из камеры хранения, не попрощавшись. На улице он остановился у газетного киоска. На первой полосе крупными буквами было напечатано: «Немецкие войска приближаются к Ленинграду». Под заголовком помещалась карта фронта. Он знал, что блокада началась больше месяца назад. Знал, сколько людей погибнет зимой, сколько домов разрушат, сколько семей не дождутся весны. До сих пор история была для него последовательностью дат и документов. Теперь она стояла в очереди за хлебом, спорила с продавцом, поправляла воротник и прятала руки в карманы.

Виктор сложил записку и убрал во внутренний карман пальто. Ботинки связал бечевкой и взял с собой. Он не хотел выпускать листок из рук, хотя понимал: однажды придется решить, что с ним делать.

Адрес он нашел в бумажнике, обнаруженном в скрытом кармане пальто. Бумажник был потертый, с треснувшей кожей. В нем лежали несколько рублей, удостоверение на имя Виктора Андреевича Ланского и фотография женщины. На удостоверении значилось: инженер лаборатории № 4. Фотография была маленькая, черно-белая. Женщина сидела за столом, положив

руки на раскрытую книгу. Лицо строгое, но не холодное. На обороте стояла дата – 1939 год, и короткая подпись: «Нине». Виктор задержал снимок в руках. Нина. Это имя он уже слышал сегодня, от человека, который называл себя им. Адрес был написан карандашом на обороте удостоверения: Большой проспект Васильевского острова, дом 18, квартира 7.

До дома он добрался ближе к полудню. Старая парадная, тяжелая входная дверь, темная лестница. Пахло капустой, керосином и сыростью. На втором этаже кто-то играл на пианино, раз за разом сбиваясь на одном и том же месте. Виктор поднялся выше и остановился перед дверью с медной цифрой семь.

Постучал.

– Кто?

Женский голос.

– Виктор.

За дверью помолчали.

– Какой Виктор?

– Ланской.

Щелкнул замок. Дверь открыла женщина лет тридцати. Темное домашнее платье, волосы собраны на затылке, в руке кухонное полотенце. Виктор узнал ее по фотографии. Нина посмотрела ему в лицо, затем на пальто.

– Господи. Ты опять его надел.

– Вы меня знаете?

Она ничего не ответила, только отступила в сторону. В прихожей стояли детские валенки. На гвозде висел мужской шарф, на тумбочке лежали ключи и деревянная лошадка с отломанным хвостом. Виктор неловко провел рукой по волосам.

– Простите. Я не понимаю, что происходит.

Нина закрыла дверь.

– Ты никогда не понимаешь, когда дело касается нас.

Она произнесла это без злости. Похоже, говорила уже не впервые.

– Мне нужно узнать, где Ася.

Нина резко повернулась.

– Где ты ее видел?

– На фотографии.

– На какой?

Виктор достал снимок из кармана. Нина взяла его, посмотрела и вернула.

– Старая фотография. Ей там шесть лет.

– Она жива?

Нина не ответила. Из комнаты донесся детский голос:

– Мама, кто пришел?

Нина на мгновение закрыла глаза.

– Иди в комнату, Ася.

– Это папа?

Послышались быстрые шаги. В дверях появилась девочка в синем пальто – великоватом, с крупными пуговицами и широким воротником. В руках она держала деревянную лошадку. Девочка посмотрела на Виктора.

– Ты опять старый.

Нина прикрыла рот ладонью. Виктор присел, чтобы оказаться с девочкой на одном уровне.

– Ты меня знаешь?

Ася нахмурилась.

– Конечно. Ты же папа.

– Но я…

– Только не говори, что опять ничего не помнишь.

Она произнесла это с такой усталостью, что Виктор не нашелся с ответом. Девочка подошла и протянула ему лошадку. У двери стоял шкаф с глубокой верхней полкой. Виктор поставил туда сверток с ботинками, чтобы не держать его на виду. Ася проводила его взглядом, но промолчала.

– Держи. Я ее починила.

Он взял игрушку. Хвост был приклеен неровно, но держался крепко.

– Спасибо.

– Ты обещал починить ее сам.

– Прости.

Ася пожала плечами.

– Ты всегда обещаешь.

Она повернулась и ушла в комнату. Виктор остался сидеть на корточках, сжимая деревянную лошадку. Нина стояла у двери.

– Сколько времени ты собираешься здесь пробыть?

– Не знаю.

– Тогда лучше не задерживайся.

– Почему?

– Потому что она начинает надеяться.

Виктор поднялся.

– Нина, объясните, что происходит. Я не тот человек, за которого вы меня принимаете.

– Я знаю.

– Знаете?

– Да. Мой муж сейчас в лаборатории. А ты пришел из другого времени.

Она сказала это так, словно сообщала, что на улице похолодало. Затем прошла на кухню и поставила чайник. Виктор последовал за ней.

– Вы говорите так, будто это обычное дело.

– Для меня уже нет ничего обычного.

Нина достала две чашки. На одной была трещина, замазанная клеем. Ее она поставила перед Виктором.

– Садись. Расскажу, что могу.

– А что не можете?

– То, что ты сам должен вспомнить.

Она села напротив.

– Пальто принадлежало твоему отцу. Он носил его до войны, потом отдал тебе. Ты работал в лаборатории, занимался какой-то ерундой с тканями и памятью. Я не знаю, что именно вы там делали. Знаю только: после каждого опыта ты возвращался другим.

– Каким?

– Иногда не узнавал квартиру. Иногда называл меня чужим именем. Однажды пришел и спросил, где твоя мать.

Она помолчала.

– Она умерла за десять лет до этого.

Виктор ничего не сказал.

– Потом ты стал пропадать, – продолжила Нина. – Сначала на несколько часов, потом на сутки. Возвращался с вещами, которых раньше у тебя не было: билетами, письмами, фотографиями. Говорил, что видел людей, которые еще не родились, и разговаривал с теми, кого давно похоронили.

– И вы верили?

– Сначала нет. Потом перестала спрашивать.

– Почему?

Нина посмотрела на дверь комнаты, за которой играла Ася.

– Потому что однажды ты вернулся и не узнал дочь.

Она сказала это негромко. Виктор опустил глаза на чашку. Чайник за стеной начинал шуметь.

– Ты сидел с ней за столом, – продолжила Нина. – Она показывала рисунок, а ты спросил, кто эта девочка. Потом назвал ее именем какой-то женщины из Парижа. Ася заплакала. Ты потянулся обнять ее, но она уже не хотела к тебе идти.

– Париж…

– Да. Ты все время говорил о Париже. О каком-то вокзале. О человеке, который носит твое лицо.

Виктор поднял голову.

– Вы знаете его?

– Я видела его.

– Кто он?

– Ты.

За окном по мостовой прогрохотала телега. Колеса глухо ударили о камень.

– Не тот, который сейчас сидит передо мной, – добавила Нина. – Другой.

Виктор вспомнил молодого человека в купе. Его спокойный голос, фотографию Аси, слова о том, что она была жива, пока он не вмешался.

– Где он сейчас?

– Не знаю. Но если появится, не открывай ему дверь.

– Почему?

Нина поднялась и подошла к буфету. Из ящика она достала пожелтевший конверт.

– Потому что он однажды уже жил здесь вместо тебя.

На конверте стояла дата: 17 октября 1941 года.

– Сегодня семнадцатое, – сказал Виктор.

– Знаю.

– Что в конверте?

– Письмо твоего отца. Он оставил его перед тем, как исчезнуть.

Нина положила конверт на стол.

– Я его не открывала. Он сказал, что письмо предназначено тебе. Настоящему тебе.

Виктор коснулся бумаги. На клапане знакомым почерком было написано: «Виктору. Когда он вернется в своем возрасте». Он не стал вскрывать конверт.

Из комнаты вышла Ася. В руках она держала синее пальто.

– Папа, ты сегодня останешься?

Виктор посмотрел на Нину. Та не произнесла ни слова.

– Я не знаю, – ответил он.

Ася кивнула, будто другого ответа и не ждала.

– Тогда я оставлю свет в коридоре.

Она повесила пальто на крючок возле двери и вернулась в комнату. На подкладке, у самого воротника, белой ниткой было вышито: «А. Л. 1934». Он провел пальцем по буквам. Инициалы. Год рождения. Все было предельно ясно, за исключением того, почему эта надпись казалась ему знакомой. В соседней комнате скрипнула кровать. Нина убирала со стола чашки, не глядя на него.

Виктор подумал о фразе, которую прочел на лацкане серого пальто: «Не ищи Асю в том месте, где она умерла». Девочка была здесь. Живая, сердитая, с деревянной лошадкой и слишком большим пальто. Значит, искать ее пока не требовалось. Но кто-то уже оставил ботинки

на вокзале. Кто-то приходил туда накануне, назывался его именем и обещал вернуться. А в купе сидел человек, который выглядел так, каким Виктор был почти тридцать лет назад.

Он посмотрел на закрытую дверь комнаты.

– Нина, – позвал он.

– Что?

– Вы сказали, что мой муж сейчас в лаборатории. Он знает, что я здесь?

Она поставила чашки в буфет.

– Думаю, знает.

– И что он собирается делать?

Нина наконец посмотрела на него.

– Вот этого я и боюсь.

Глава третья. Архив вещей

Конверт Виктор вскрыл только после того, как Ася уснула. Нина не стала его останавливать. Она сидела у окна, штопала детский чулок и время от времени поглядывала на мужа. Не с любопытством, скорее с осторожностью человека, который давно знает: за чужой спиной может скрываться неприятность.

Письмо было коротким. Несколько строк, написанных синими чернилами: «Виктор. Если ты читаешь это, значит, пальто снова привело тебя сюда. Не пытайся вернуть меня. Не ищи способа исправить то, что произошло с Асей. И главное – не позволяй человеку, который выглядит как ты, добраться до нее. Он не виноват в том, что случилось, но он способен повторить это». Внизу стояло одно слово: «Отец».

Виктор перечитал письмо. Бумага была плотная, с желтоватыми краями. На сгибе чернила немного расплылись, словно листок когда-то намок. Он провел пальцем по подписи.

– Что случилось с Асей?

Нина отложила чулок.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала?

– Да.

– Нет, не хочешь.

– Не надо решать за меня.

– Я уже рассказывала. Десятки раз. Только ты каждый раз приходил другим. Один раз плакал, другой – орал, третий вообще заявил, что у тебя нет дочери. А потом уехал.

– Куда?

– Откуда мне знать? Ты ведь не считал нужным сообщать.

Виктор сжал письмо. Он чувствовал, что Нина не преувеличивает. В ее голосе не было ни желания обвинить его, ни надежды на оправдание. Она говорила о чем-то давно пережитом, что продолжало повторяться без ее согласия.

– Нина, я не тот человек, который жил с тобой. Я не помню ни тебя, ни девочку. Не знаю, что здесь произошло. Но хочу понять.

– Вот это и страшно, – сказала она. – Ты всегда хотел понять. А потом начинал что-нибудь исправлять.

Он спросил, где находится лаборатория. Нина долго молчала. Потом поднялась, подошла к буфету и достала из-за стопки старых журналов небольшой ключ.

– На Петроградской стороне. В доме, который числится за институтом. Тебе туда нельзя.

– Почему?

– Потому что там сейчас твой муж.

– Я и есть твой муж.

– Нет, Виктор. Ты человек, который носит его пальто и его лицо. Мой муж сегодня утром ушел на работу. Был злой, небритый, забыл купить хлеб и обещал вернуться к ужину. Я знаю, как он выглядит, когда врет. И знаю, как выглядит, когда боится. Ты на него похож, но это не он.

– А если он тоже не он?

– Не начинай. Я от этих разговоров уже с ума схожу.

Она положила ключ на стол.

– Если все-таки пойдешь, не трогай ничего в комнате с красной дверью. И не отвечай, если услышишь голос Аси. Даже если она будет звать тебя.

– Почему?

– Потому что она сейчас спит в соседней комнате. И если ты услышишь ее голос там, где ее нет, значит, слишком долго пробыл в этом пальто.

Виктор взял ключ.

– Если увижу отца, что ему передать?

Нина вернулась к чулку.

– Передай, что я больше не жду.

Он хотел спросить, что она имеет в виду, но не стал.

Из квартиры Виктор вышел около полуночи. Нина не проводила его до двери. Только на кухне передвинула чашку и пожелала спокойной ночи – так, словно он был случайным гостем, которому утром предстоит съехать. На лестнице пахло холодной золой и вареной картошкой. У подъезда дежурил мужчина в шинели. Он курил, прикрывая ладонью огонек папиросы. Виктор прошел мимо, не поднимая головы.

Город жил по военному расписанию. Редкие машины, затемненные окна, патрули на перекрестках. Где-то далеко глухо ударило: то ли артиллерийский выстрел, то ли закрыли железные ворота. На стенах домов темнели следы от сорванных объявлений. У перекрестка двое рабочих разгружали мешки из грузовика. Один кашлял, второй ругался на развязавшуюся веревку.

Виктор шел по адресу, указанному Ниной, и все чаще ловил себя на мысли, что узнает дорогу. Он никогда не бывал в этом Ленинграде, но повороты улиц, арки и дворы казались знакомыми. Пальто тянуло плечи, хотя было ему по размеру. В какой-то момент он понял, что идет не туда, куда собирался, а туда, куда его ведут.

Институт занимал бывший доходный дом с широким парадным входом и тяжелыми дубовыми дверями. На табличке значилось: «Ленинградский научно-исследовательский институт материаловедения». Виктор открыл дверь ключом. На вахте никого не было. За стеклом лежала раскрытая газета, рядом стояла кружка с недопитым чаем. Он поднялся на второй этаж. В коридоре горела одна лампа. За дверью с матовым стеклом слышались голоса, но, когда Виктор толкнул ее, разговор оборвался.

Комната была заставлена шкафами и столами. На стенах висели схемы, фотографии тканей, таблицы с цифрами. На большом столе лежали образцы одежды: детское платье, мужская рубашка, шинель, несколько старых пиджаков. Все аккуратно разложено, снабжено бирками и номерами. Рядом с некоторыми вещами стояли стеклянные банки с ватными пробками. На подоконнике сушились какие-то лоскуты.

У окна находился человек в белом халате. Он обернулся. Пожилой мужчина с высоким лбом и седыми волосами, зачесанными назад. Виктор узнал его не сразу. На старых фотографиях отец был моложе, волосы гуще, взгляд тяжелее. Но теперь перед ним стоял именно он.

– Ты поздно, – сказал отец.

– Я не знал, что у нас назначена встреча.

– У нас всегда назначена встреча. Просто ты каждый раз забываешь.

Отец снял очки, протер их платком и снова надел. Виктор заметил, что руки у него дрожат. Совсем немного, почти незаметно.

– Сколько тебе лет? – спросил старик.

– Шестьдесят два.

Отец кивнул.

– Значит, дошло до этого.

– До чего?

– До того, что ты стал старше меня.

Он произнес это без удивления, словно обсуждал изменение погоды. Виктор подошел к столу.

– Объясни, что происходит.

Отец посмотрел на пальто.

– Ты надел его.

– Да.

– И оно привело тебя сюда.

– Да.

– Тогда, возможно, еще не все потеряно.

– Хватит говорить загадками! Что это за пальто? Почему я перемещаюсь во времени? Кто тот молодой человек в поезде? И что случилось с моей дочерью?

Отец поморщился.

– Не кричи. Здесь стены тонкие.

– Да плевать мне на стены!

– А мне нет. За ними люди, которые не должны знать, чем мы занимаемся.

Он подошел к шкафу, достал папку и положил ее перед Виктором. На обложке стоял штамп: «Проект „Наследование“».

Виктор раскрыл папку. Внутри находились схемы, протоколы, фотографии предметов одежды и короткие записи. Он быстро просмотрел несколько страниц. В таблице перечислялись даты, фамилии и номера образцов. Напротив некоторых стояли пометки: «контакт подтвержден», «память владельца», «смещение субъекта», «возврат невозможен».

– Вы изучали одежду?

– Мы изучали память. Одежда оказалась удобным носителем.

– Носителем чего?

– Не информации в привычном смысле. Следа человека. Его привычек, ощущений, иногда воспоминаний. Ткань впитывает пот, запахи, частицы кожи. Но дело не в химии. Мы обнаружили, что некоторые вещи сохраняют нечто, чего нельзя объяснить физическими методами.

– И вы решили, что можно путешествовать во времени?

– Нет. Мы вообще не ставили такой цели. Сначала речь шла о восстановлении памяти у людей с тяжелыми повреждениями мозга. Потом выяснилось, что человек, надевший вещь другого человека, иногда начинает воспринимать его прошлое как собственное.

– Иногда?

– Не всегда. Большинство образцов не давали ничего, кроме обычных физиологических реакций. Но однажды испытуемый исчез из лаборатории. Через сутки его нашли в другом городе. Он утверждал, что провел там три года.

– И вы поверили?

– Мы проверили. Он привез документы, которых не существовало в момент исчезновения. Документы были настоящими.

Отец раскрыл папку на странице с фотографией серого пальто. Виктор увидел знакомые лацканы, потертость на рукаве и скрытый карман. Снимок был сделан на фоне белой стены. Под ним стояла подпись:

«Образец 01. Принадлежность: А. Л.»

– Это пальто было у моего отца, – сказал старик. – Потом оказалось у меня. Перед началом работы в лаборатории я отдал его тебе.

– Но как оно оказалось в музее?

– Не знаю.

– Ты не знаешь?

– Я знаю, что оно должно было вернуться туда. Но не знаю, кто именно его вернул.

Виктор перевернул страницу. На следующей фотографии была женщина с девочкой. Нина и Ася. Снимок сделали во дворе дома, где он недавно побывал. На обороте стояла дата: 1940 год.

Отец долго смотрел на фотографию.

– Ася родилась в тридцать четвертом. В октябре сорок первого ей было семь. Нина была против того, чтобы я занимался с ней опытами. Я обещал, что не стану.

– Ты проводил опыты на собственной внучке?

– Нет. Я пытался ее спасти.

– От чего?

Отец не ответил. Он достал из папки лист с машинописным текстом. В нем описывалось событие, произошедшее в лаборатории 16 октября 1941 года. Во время испытания образца 01 возникло «пространственно-временное смещение». Испытуемый – Виктор Андреевич Ланской – исчез. Через несколько минут в лаборатории появился другой человек, назвавшийся Виктором Ланским. Он утверждал, что прибыл из будущего и что девочка по имени Ася погибнет, если эксперимент продолжится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.